

Новый Муриал №197

1996

БИБЛИОГРАФИЯ

349

Тюльпанов очень интересно оформил обложку, к тому же придумал каких-то фантастических человечков с кувшинными рыльцами и черными круглыми глазками. Нарисованы они очень здорово, но ведь на то и Тюльпанов, чтобы о мастерстве не было и речи. Речь немножечко о другом — маленький человек Дианы Виньковецкой не уродлив, а очень красив. Вот пункт, в котором с рисунками Тюльпанова я спорил.

И чем далее, тем больше...

Виктор Дмитриев

ПРОСНУВШИЙСЯ В АРМАГЕДДОНЕ

Григорий Марк. Среди вещей и голосов. Изд-во "Эрмитаж", 1995.

Откуда известно, что Армагеддон — это только взрывы атомных электростанций и удары "умных" ракет с компьютерной начинкой по вражеским штабам? А, может быть, под Армагеддоном подразумеваются грядущие битвы в сердцах людей, после которых обратятся в пепел целые пласти такой еще тонкой и неокрепшей паутинки земной ноосферы, обрушатся первые ступени новой Вавилонской башни к звездам? Давно уже замечено, что есть на нашей взрывоопасной планете какие-то особенно подверженные ударам черных стрел Аримана — энергетических сгустков мирового зла — "зоны" духовных и социальных катастроф, и не нужно обладать особой фантазией, чтобы чисто интуитивно назвать три из таких заколдованных, измученных злыми силами "зон": Россию, ее бывшую столицу на Неве и (это уже не географическое пространство, а душевное, человеческое) плеяду русских поэтов с тех же самых невских берегов.

Никто из нас не знает ответа на вопрос, почему приходят в наш суровый прозаический мир поэты — люди самой иррациональной направленности, странные существа с патологически обнаженными нервами, то заглядывающие в мрачные земные пропасти, то возносящиеся на светлые небесные высоты? Важно, что каждая переломная эпоха в истории России призывала к "священной жертве" особенно ярких выразителей своего поколения: вечно юного и бесконечно мудрого Пушкина, гения Лермонтова, ищущего смерти, праотца всех русских

народолюбцев Николая Некрасова, философа в мундире, дипломата Федора Тютчева, пророка и сына "страшных лет России" Александра Блока, романтика, крепко стоящего на грешной земле, Николая Гумилева. Эволюция русских поэтических школ с их особым гражданским "ладом" явно не совпадает с историей возвышений и катастроф в жизни этой огромной империи, что позволяет говорить как о профетической, так и "целеформирующей" работе поэтов, пытающихся сдвинуть хаотичную и взъерошенную Вселенную хотя бы на дюйм ближе к добру и свету.

Григорий Марк, о первом сборнике стихов которого ("Гравер", 1991) я писал раньше, уже одним своим появлением должен был навлечь на себя демонов зла и как гражданин России и как российский поэт с евангельской, но "нерусской" фамилией. Может быть, именно эта исконная незащищенность и недоверчивость отпрыска гонимого народа ко внешним событиям, соединенная с готовностью к новым ударам судьбы, помогли ему устоять перед сокрушительным штормом "свободы слова" в постсоветской России. И пока остальные решают для себя, править ли им тризну по былому Советскому Союзу или славить новый российский капитализм, он, большой петербургский поэт, продолжает свой не сегодня начатый рассказ о забытой Богом стране, о любимом, истерзанном городе, о его тяжелой, но удивительной судьбе. Крылья беды над Россией, крылья беды над Невой, крылья беды над поэтом, и ничто, даже падение ненавистного казарменного коммунизма не предвещает ему никаких перемен к лучшему.

Духовный наследник и продолжатель традиций Константина Вагинова, Григорий Марк скорее сродни опаленному разочарованием Лермонтову, чем стоическим жрецам Вечной Женственности на их иронически интеллектуальном пире во время чумы. К слову заметим, что сегодня на роскошных пирах с заморскими яствами прожигают жизнь не потомки великого Данте и размашистого Флинта, а мелкое жулье с гэбистским прошлым и воры в законе, переползшие с тюремных нар в Государственную Думу. И потому писать о политике после опытов Евтушенко и С^o может позволить себе только кристально честный человек и предельно артистический поэт, облекающий свои болезненно острые переживания в пелену эксцентричной метафоры и лаконичных философских обобщений. Мастер с такой судьбой и таким талантом имеет право, как никто иной, предложить вниманию читателя

пародию на истерический вопль — акафист российского обывателя, оплакивающего своего сброшенного с пьедестала кровавого божка Сталина ("Плач о вожде"), равно как и отточенные отповеди фашистующим российским неославянофилам:

Настрадавшаяся Тюркославия,
Все, что было Советский Союз.
Без ислама и без православия,
Без окраин Московская Русь.

В коммунальных жилищах Московии
Спорят в кухнях до самой зари,
Рассусоливают руссоязычие
Аримане, ормуздцы, сарынь.

Груз язычества неизживаемый,
Как проклятье, над нами висит.
И все реже теперь вспоминаем мы,
Что Христос вдвое старше Руси.

("Стихи о Тюркославии")

Затаенное желание сегодняшней эмиграции из России призвать чуму "на оба их дома" не находит отклика в душе Григория Марка, чувствующего горький дым горящего отечества ("горит отчество, но дым его не сладок"). И согласитесь, кому по сердцу этот удушливый запах "падали и тленья", идущий от израненного, пораженного гангреной тела Родины? Но ведь в том и состоит мастерство поэта, чтобы заставить других ощутить приступ собственного "удушья", по-новому рассказать о давно знакомом, о тысячу раз виденном. С рождения заданная ему судьба изгоя в этом хищном мире "страстных людей российского эпоса" ("Я был им мальчик для битья, еврей очкастый...") рано побудила его размежеваться с окружающей действительностью и рассчитывать только на себя, "забившись в стихи, как затравленный пес в конуру". Только в новой для него любовной теме (не представленной в раннем сборнике "Гравер") Григорий Марк выходит из своего постоянного одиночества и целиком сливаются с любимой женщиной, обращая свои слова в "семя", а тело в "колыбель", тихо баюкающую мысль о ней, этой женщине, разделяющей с ним страхи и радости бытия. Непривязанность к окружающему поэта обывательскому быту,

БИБЛИОГРАФИЯ

доходящая до прямого отказа от первобытной борьбы за место под солнцем и даже до нарушения инстинкта самосохранения, помогают ему преодолеть все исторические рифы и перекаты, постоянно возни-кающие на пути в будущее его страны, его города, его собственной жизни. "Ампутировал прошлое и в инвалидной коляске, громыхая, несусь...", пишет он. А ведь такое вряд ли скажут о себе многие и многие именитые и престижные сребрители "мертвых листьев" давно изжитого и отзучавшего. Поэтому, далеко не подводя итоги много-гранному, живому, крепнущему творчеству Григория Марка, мы вправе увидеть в нем не только одного из ярчайших поэтов, но и человека, заглянувшего в новую эру жизни человечества, в ту эру, когда

За последний предел
Сумма зла перейдет,
И все вещи вернутся
К хозяину Богу.

Оказывается, что даже проснувшийся в Армагеддоне и узревший тьму горя и смерти поэт может сохранить веру в добро и переплавить ее в чистое золото стихотворного слова. Редкое качество в наше время...

Иван Мартынов